

«С Михаилом Борисовичем я поступил не по понятиям»

26 июня Михаилу Ходорковскому исполнилось 45 лет. Накануне юбилея корреспондент "Власти" Сергей Дюпин встретился с Игорем Гнездиловым - человеком, почти год просидевшим в читинском СИЗО в одной камере с Ходорковским.

Именно он подписал бумагу, лишившую Ходорковского в прошлом году возможности подать прошение об условно-досрочном освобождении.

"Я даже предположить не мог, что меня готовят в соседи к Михаилу Борисовичу"

Идя на встречу, я уже знал, что 38-летний Игорь Гнездилов - рецидивист-автоугонщик, он сидел пять раз. И потому я ожидал увидеть типичного забайкальского урку - вертлявого дядю в кепочке, кожаной куртке, с выколотыми на пальцах перстнями, вставными зубами из желтого металла и непременной "распальцовкой". Я ошибся по полной. Игорь обходился без золота во рту, а его руки были абсолютно чистыми, в смысле без татуировок, тщательно вымытые и с аккуратно подстриженными ногтями. На нашу встречу, проходившую в центральной гостинице Читы, бывший угонщик приехал в идеально выглаженных брюках, свежей сорочке и начищенных до блеска ботинках. За два часа, в течение которых проходил наш разговор, он не произнес ни одного матерного слова, ни разу не повысил голос, а перейти со мной на обычное в подобных ситуациях "ты", по-моему, так до конца и не смог. В общем, скромный, интеллигентный человек, которого на улице вполне можно было бы принять, например, за служащего читинского областного отделения Сбербанка.

Этот образ Игорь убедительно поддерживал еще, наверное, минут пять, пока мы знакомились и обменивались мнениями о погоде и футболе: мой собеседник дал понять, что спортом особо не интересуется, но о последних результатах чемпионата Европы осведомлен и готов обсудить эту тему из вежливости. Однако первый же мой вопрос по существу, как говорится, расставил точки над i.

- Про мою-то жизнь зачем рассказывать? - искренне удивился Игорь. - Она малоинтересная была: все тюрьма да тюрьма. Пять сроков отсидел, 19 лет в общей сложности.

В первой половине своей жизни читинец Игорь Гнездилов успел окончить школу, городской политехнический техникум, устроиться на работу технологом лесозаготовок в местный леспромхоз имени Ленина и даже несколько месяцев там поработать. Но получить зарплату молодому специалисту так ни разу и не посчастливилось: одновременно с его трудоустройством в стране грянула перестройка, леспромхоз начал загибаться.

- А круг общения-то у меня в то время был - не лесники дремучие, а пацаны продвинутые, - продолжает Игорь. - С этим кругом и попал.

Вообще-то угонять машины он начал задолго до перестройки - еще в школьные годы.

- У моего отца тогда был ВАЗ-21011, - с теплотой вспоминает Игорь. - Вечерами после школы я помогал ему ремонтировать машину, а ночью, пробравшись в наш гараж, угонял ее, чтобы покататься по городу с приятелями и утром поставить машину обратно.

С приходом перестройки и появлением в Чите первых иномарок - в основном это были старенькие, привезенные из Японии "праворульки" - друзья решили, что их старая детская забава может приносить неплохой доход, и поставили дело на поток. Только за один 1990 год компания, как установило следствие, угнала в городе 22 автомобиля. За это Игорь получил свой первый пятилетний срок, который отсидел "до звонка" в башкирской зоне. Вернувшись в город после отсидки в 1995-м, Игорь обнаружил, что "в стране бардак и зарплату, как и раньше, не дают".

- А круг мой к тому времени распался, - говорит он. - Люди в "крышу" пошли, магазины и рынки стали

контролировать.

- Выгодное дело. Почему же ты с ними не пошел?

- Я занялся тем, что умею: в преступном мире моя специальность - угонщик.

В 1990-е годы, как объясняет Игорь, иномарки появились уже почти у всех в Чите. Как следствие, образовался дефицит запчастей, угнанные машины стало выгоднее продавать не целиком, а разбирая их на комплектующие. К этому времени окреп и структурировался весь читинский автоугонный бизнес: старые простенькие автомобили независимо от их возраста и марки перекупщики принимали у "крадунов" по твердой таксе - 100 тыс. рублей за штуку. Новые крутые джипы типа Toyota Land Cruiser угонялись строго "под возврат": они передавались обратно хозяину после выплаты им вознаграждения. В этом случае доля угонщика возрастала.

Свой последний, пятый, срок Гнездилов получил в конце 2004 года. На этот раз с приговором районного суда - 3,5 года колонии - он почему-то не согласился и стал писать кассационные жалобы. Разбирательство его дела в судебных инстанциях затянулось, и арестант в течение всего этого времени оставался в центральном читинском СИЗО. 20 декабря 2006 года на тот же читинский централ, как говорят эки, "заехал Ходор" - именитого заключенного перевели из Краснокаменской колонии в СИЗО, чтобы он мог ознакомиться с материалами второго возбужденного против него уголовного дела.

Примерно в то же время в обычной 15-местной камере, расположенной на четвертом этаже так называемого старого корпуса централа, открылась дверь - надзиратель, оглядев сидельцев, произнес: "Осужденный Гнездилов! На выход без вещей".

- Сотрудник привел меня в оперчасть, где уже сидели два полковника в зеленой фэсэиновской форме, которых я раньше никогда не видел,- рассказывает Игорь.- Они разрешили мне закурить и затеяли такой типа откровенный разговор ни о чем: спросили про мое образование, за что сижу, с кем общаюсь и все в таком же духе. В общем, как ты сейчас, только они ничего при этом не записывали. Про Ходорковского вообще ни одного слова сказано не было, поэтому я после этого разговора даже предположить не мог, что меня готовят в соседи к Михаилу Борисовичу.

"С единственным соседом по камере не стоит начинать знакомство с конфликтов"

7 февраля 2007 года за осужденным Гнездиловым снова пришел надзиратель и потребовал, чтобы зэк вышел, но на этот раз уже с вещами.

- Вели молча какими-то внутренними коридорами, в которых один я наверняка бы заблудился,- говорит Игорь.- Только оказавшись возле окна и увидев свой бывший корпус напротив, я сообразил, что нахожусь на третьем этаже нового здания, которое обитатели централа называют спецпродолом (спецкоридором.- С. Д.).

Третий этаж нового корпуса СИЗО, как считают эки, был отремонтирован и переоборудован администрацией специально к приезду Михаила Ходорковского. Из этого помещения сделали как бы тюрьму в тюрьме: половину из 15 расположенных на этаже камер переоборудовали в кабинеты для встреч заключенных с адвокатами и следователями, сделали на этаже душевые кабины, посадили в коридоре круглосуточную охрану и организовали отдельный переход из спецпродола в прогулочный дворик. Сидельцев спецблока водят на прогулку первыми, а на помывку - отдельно, чтобы они никак не пересекались с другими подследственными централа. На их ежедневной утренней проверке, как утверждают эки, всегда лично присутствует "хозяин" - начальник СИЗО.

Перед тем как завести нового соседа в камеру к Ходорковскому, его заставили полностью раздеться и обыскали, прощупав каждый шов в одежде.

- Камера, в которую меня привели, оказалась шестиместной,- рассказывает Игорь.- Из имущества в ней были только три двухъярусные кровати-шконки, расположенные вдоль стен, стол посередине, телевизор и небольшой стол-тумба для продуктов и посуды. Занятым из шести мест было только одно - верхнее на кровати, стоявшей у входа. Там сидел мужчина, которого я раньше не знал. Поздоровавшись с ним, я в соответствии с нашими обычаями спросил, какое место можно занять. Он ответил что-то вроде того, что из пяти свободных я могу выбрать любое, которое понравится. Я занял койку у окна.

- Как вы представились друг другу?

- Я - Игорем, а он - Михаилом Борисовичем.

- Насколько я знаю, в местах заключения отчества не приняты.

- Авторитетных людей иногда называют без имени, просто по отчеству: Иваныч, Петрович.

- В тюремной иерархии твой статус, как мне кажется, выше: ты человек опытный, авторитетный, пять ходок за плечами и все по уважаемой "воровской" статье. Ходорковский же, несмотря на все его заслуги, всего лишь "мужик" и "первоходок". Тебя не задело, что он с первых же минут знакомства фактически потребовал к себе особого, уважительного отношения?

- Ну, во-первых, авторитета у меня особого тоже никогда не было. В лагерях я оставался "мужиком", поскольку зарабатывал на жизнь руками: на воле я курочил машины, а в зоне обычно ремонтировал их. А во-вторых, с единственным соседом по камере, с которым предстоит провести вместе много времени, не стоит начинать знакомство с конфликтов. Потом я убедился, что поступил правильно, согласившись на его условия,- мы свылись друг с другом и сошлись характерами

- Может, вы и на "вы" друг друга называли?

- Да, только так. Однажды я попробовал перейти с ним на "ты", но сразу натолкнулся на такой стальной взгляд, что оставил попытки. Михаил Борисович объяснил мне, что на "вы" он обращается всегда и ко всем, выказывая таким образом уважение к человеку, так, мол, его воспитали, менять привычки в тюрьме он не собирается. Михаил Борисович так себя поставил, что даже сотрудники всегда называли его на "вы" и по имени и отчеству.

"Из спортивного инвентаря у нас был только пол для отжиманий"

- Что ест в СИЗО Ходорковский?

- Что дадут, то и ест. Тюремную пищу ест, баланду. Обед мы постоянно получали. Первое время он присматривался ко мне: смотрел, что ем я, и от этого тоже не отказывался.

Кормежка, по словам Игоря, в читинском центре вполне сносная. На завтрак дают кашу, сладкий чай и хлеб. В обед - суп-баланду: это может быть солянка, щи или борщ-свекольник, но обязательно с мясом. На второе - котлеты или рыбу. Вечером зэки получают кашу или макароны, к которым могут быть добавлены селедка, стакан молока или кефира.

- В баланде действительно есть мясо?

- Ну куски, конечно, не плавают, но иногда что-то выловить можно. А если добавить куриный кубик или немного тушенки, получается вполне нормальный суп.

- Какие продукты твой сосед приобретал или получал в качестве допайка?

- С воли ему обычно присылали самые простые продукты - йогурты, кефир, сухое молоко, орехи, изюм, шоколад, бородинский хлеб, яблоки. Последнее время мы с удовольствием ели китайскую лапшу "Доширак". К колбасе Михаил Борисович относился равнодушно - мясные продукты обычно отдавал мне. Другое дело - сладкое или тыквенные семечки. Они у него слабость!

У арестантов читинского центра есть две возможности разнообразить свой рацион: они могут получать продукты с воли из расчета до 30 кг в месяц и отовариваться в тюремном магазинчике. Передачи родственникам обязательно проходят тщательную проверку: тюремщики боятся, что арестантам передадут запрещенные алкоголь или наркотики. Поэтому, например, яблоки или хлеб обязательно режут на куски, сигареты ломают пополам, а орехи принимают только в очищенном виде. До недавнего времени сидельцам запрещали передавать любимый ими "Доширак": в прилагающийся к лапше пакетик со специями друзья с воли научились закладывать наркотик. Потом все-таки разрешили. В тюремном магазине ассортимент небогатый, зато только оттуда можно получить, например, сигареты с фильтром. Отовариваются сидельцы по безналу: продавец списывает деньги с их счета, пополняемого родственниками.

- Ты хочешь сказать, что олигарх Ходорковский обходится в СИЗО без лобстеров и черной икры?

- Да мог, конечно, он все это себе заказать, только зачем? Чтобы все протухло? Ведь у нас в камере даже не было холодильника. Мы прочитали в ПВР (Правила внутреннего распорядка в СИЗО.- С. Д.), что "при желании

арестованного и наличии средств у него на счету" администрация может предоставить ему холодильник, написали заявление, но нам было отказано. Объяснили так: в прокате изолятора холодильников нет, а привозить их с воли запрещено, поскольку под обшивкой аппарата могут быть спрятаны запрещенные предметы.

- У вас с соседом явно разный уровень доходов. Как делили продукты?

- Это верно. Я привык рассчитывать только на себя, мне мать за все время нахождения в центральном исправительном учреждении прислала, наверное, две или три передачи. Но этот вопрос был решен в первые же дни: Михаил Борисович сказал, что я могу пользоваться всем, что находится в общем шкафу, где хранились продукты и посуда.

- Во что был одет твой сосед?

- Я ему сколько раз говорил: "Михаил Борисович, вы, елки-палки, такой человек... Должны, короче, выглядеть цивилизованно. Закажите себе костюм такой, чтобы у дежурных глаза на лоб полезли". А он мне: "Зачем?" Одевался просто: летом китайский спортивный костюм, футболки, джинсы, кроссовки, ветровка такая черная, неяркая. Зимой - тоже спортивный костюм, только с начесом. Когда становилось совсем холодно, на прогулку выходил в валенках, под которые наматывал портянки (так удобнее), в цигейковой шапке-ушанке и армейских "однопалых" варежках.

- Кто его стрижет?

- У Михаила Борисовича была электромашинка для стрижки, ею мы и стриглись. Он - практически наголо, надевая на ножи самую тонкую насадку-"единичку". Первое время он стриг себя сам, потом я стал ему помогать простригать голову сзади: самому-то не видно.

- Как здоровье Ходорковского?

- Нормально. За все время он, может быть, пару раз простужался и жаловался на головную боль.

- Удавалось ли вам как-то поддерживать свою физическую форму?

- С этим было сложно. Мой эспандер отобрали во время шмона перед переездом в новую камеру. Я тогда попробовал сделать гантели, налив водой две двухлитровые пластиковые бутылки из-под пепси-колы. Охранник сразу: "Это что такое?" Я говорю: "Запас воды на случай, если отключат". Он вроде не возражал, но как только я начал эти бутылки поднимать, их тут же отобрали без объяснений. В общем, из спортивного инвентаря у нас был только пол для отжиманий - его-то никак не запретишь и не унесешь.

""Британика" занимает у нас целую кровать под Михаилом Борисовичем"

- Как проходил день в СИЗО?

- Мой сосед в изоляторе, можно сказать, только ночевал. Подъем в шесть утра. До восьми туалет, ежедневная утренняя проверка на этаже, завтрак и мытье пола в камере. С восьми до девяти - прогулка во внутреннем дворике. В девять за Михаилом Борисовичем приходил конвой, он собирал свой пакет (вместе с завтраком ему выдавали обед сухим пайком) и уезжал в прокуратуру знакомиться со своим уголовным делом. Приезжал обычно вечером - прокуратура работает до 18 часов. До отбоя мы читали, смотрели телевизор, спорили.

- Что читает Ходорковский?

- Он выписывает, наверное, полсотни наименований журналов и газет, включая какие-то специализированные издания по истории, экономике, химии. У нас все свободные шкафы завалены книгами и журналами. К детективам Михаил Борисович, как мне показалось, равнодушен - больше любит исторические книги. Читает он очень быстро: книгу в 300 листов может прочитать за два вечера. Я думал, что при такой скорости он не запоминает содержание, и как-то попросил его пересказать книгу, которую сам только что прочитал, - он пересказал, причем довольно подробно.

- Вы с ним обсуждали книги, фильмы?

- Больше спорили об истории, политике, международных отношениях. Иногда чуть ли не до скандала доходило - я человек вообще взрывной, эмоциональный. Он, например, считает, что прибалты и славяне - родственные народы и должны жить дружно, а мне кажется, что они нам претят и без них нам будет лучше. По его мнению, и с американцами мы тоже очень похожи, а я думаю, что мы с ними, наоборот, полностью

противоположны.

- Как же вы разрешали эти споры?

- С помощью энциклопедии "Британика". Эта книжка, размером раз в 10 побольше, чем Словарь русского языка Ожегова, занимает у нас целую кровать под Михаилом Борисовичем. В ней есть, по-моему, ответы на все вопросы. Должен признать, что после обращения к "Британике" я обычно оказывался в пролете.

- Тебя послушать - у вас была не камера, а английский клуб. Неужели ни разу даже в картишки не перекинулись?

- Какие карты?! В шахматы, в нарды ни разу не сыграли, хотя их можно было заказать в камеру. Михаил Борисович мне в первый же день сказал, что он - человек азартный, поэтому ни в какие игры в тюрьме играть не будет. Он, как я думаю, опасался провокаций со стороны администрации или других сидельцев - и правильно делал. В тюрьме же все хитрые, особенно те, кто большие срока поотсидел.

- Какой телевизор стоял у вас в камере?

- Не помню. На нем, кажется, и надписи-то не было. Какой-то российский - старый и совсем раздолбанный. Он остался в камере от предыдущих сидельцев. Управляться с ним мог только Михаил Борисович: он постоянно нажимал в нем какие-то кнопки, шевелил антенну-"усы" или менял ее на общую, пытаясь добиться более-менее сносного изображения. Получалось у него через раз. Я ему сколько раз говорил: "Че мы как допотопные сидим и ни фига не видим? Давайте телевизор новый закажем". Ну написали заявление, а толку что? Получилось, в общем, как с холодильником: в прокате нет, а с воли не положено.

- Что смотрели?

- Наш телевизор ловил всего три или четыре канала: первый, второй, НТВ, какой-то местный и спортивный. Спортом ни я, ни Михаил Борисович не интересовались. Развлекательные программы он тоже не любил - как начнется какое-нибудь шоу, сразу отворачивался и брал в руки книжку. А вот новостные программы мы оба смотрели от начала до конца по всем каналам. В выходные - обязательно итоговые. Особенно ему нравилась передача Владимира Соловьева "К барьеру". Я, бывало, скажу ему: "Сколько можно этого Соловьева смотреть? Давайте на другую программу переключим, там фильм хороший". Он мне: "Подожди, давай хотя бы посмотрим, кто сегодня к нему придет". Ну мы в итоге переключим на фильм. Но там тоже ничего нового: "мусора"-бандиты, бандиты-"мусора". Тоска, в общем, берет - складывается впечатление, что и на воле такая же жизнь, как у нас здесь.

- Из-за каналов не спорили?

- Да нет. Когда показывали хороший фильм, над которым подумать надо, вместе смотрели фильм. А когда боевики - я соглашался на Соловьева.

- А вообще конфликты были?

- Ссорились, но до выяснения отношений дело никогда не доходило. В такие моменты каждый из нас просто замыкался в себе - ложился на свое место и утыкался носом в книжку. В камере наступала абсолютная тишина дня на два-три, а потом восстанавливались прежние отношения.

- Ты, как я вижу, куришь. Ходорковский, насколько мне известно, бросил. Как решали болезненный в наше время вопрос с правами курящих и некурящих?

- Михаил Борисович относился к моему курению в камере спокойно. Возможно, дым его и раздражал, но внешне он этого никак не демонстрировал. Я же из уважения к нему старался курить возле открытого окошка.

"Если мгновенно не замолкнем, в камеру врывается охрана"

- Где лучше сиделось - в общей камере или на спецпродоле?

- Однозначно в общей. До перевода к Михаилу Борисовичу я мог пользоваться холодильником, смотреть большой современный телевизор. В общей камере почти у каждого зэка есть маникюрные ножницы и швейные иголки, хотя формально эти предметы запрещены как колюще-режущие. Попав на спецпродол, я сразу этого всего лишился. Да и вообще, в общей камере можно получить все, что душе угодно, - только деньги плати. Например, заказать себе на день рождения бутылку коньяка, шампанское, букет цветов, свидание с дамой.

Коньяк обойдется по тройной цене, а двухчасовая встреча с зэчкой в следственном кабинете - в "полторушник".

- В "полторушник" чего, долларов?

- В полторы тысячи рублей. Доллары к нам в Забайкалье не доходят, только рубли и китайские юани.

- Надо же еще найти сотрудника, который согласится все это проверить.

- Необязательно. В большой камере всегда найдется посредник, который тебе все организует.

- Где взять деньги на романтическую встречу?

- Я же на воле - угонщик, а на тюрьме - картежник, катала по-нашему. Опять же из этих соображений - чем больше народу в камере, тем выше мое благосостояние.

- Обычно общие камеры переполнены. А если спать придется на полу?

- Это как раз небольшая проблема, я шконку себе в любой камере найду.

Главной же проблемой соседства с олигархом, по словам Игоря Гнездилова, является даже не отсутствие выпивки и женщин, а спецрежим, в условиях которого вынуждены жить сам господин Ходорковский и его сокамерники. Обитатели спецпродола 24 часа в сутки находятся под видеонаблюдением: пять видеокамер сопровождают их по дороге в душ и на прогулку, еще одна постоянно следит за ними в жилой камере. От того, что даже в туалет им приходится ходить под присмотром, сидельцы спецблока, по мнению Игоря, сходят с ума.

Контроль не ограничивается видеонаблюдением: возле дверей камеры Ходорковского постоянно дежурят двое сотрудников СИЗО. Без дела тюремщики к спецзэкам, по словам Игоря, никогда не цепляются, но в случае малейшего отклонения их поведения от ПВР немедленно вмешиваются.

- Стоило нам с Михаилом Борисовичем заспорить о чем-то, как в "тормоза" (камерные двери.- С. Д.) тут же начинали стучать ключами,- рассказывает Игорь.- Если мгновенно не замолкнем, в камеру врывается охрана: а вдруг конфликт?

С пунктом ПВР, касающимся отдыха в дневное время, доходило до абсурда. Арестант, согласно правилам, имеет право читать днем и даже ложиться при этом на шконку, но не имеет права засыпать. Поэтому лежать днем обитатели спецпродола могли лишь на боку: Михаил Ходорковский - на левом, а Игорь - на правом. В таком положении смотрящий в глазок охранник видел их открытые глаза. Стоило кому-либо из арестантов отвернуться к стенке или перелечь на живот, как слышался характерный стук ключа о металлическую дверь: покажи лицо! Ляжешь на спину - опять стук: убери книгу от лица, мешает наблюдению.

Вопрос о дневном сне оказался принципиальным для обитателей спецпродола. Дело в том, что любой российский изолятор, как рассказывает Игорь, живет ночной жизнью. Именно ночью начинается движуха: зэки перекрикиваются через окна с родственниками и друг с другом, перезваниваются по мобильникам, бросают на улицу записки, включают музыку, поют сами. Помешать этому администрация не может: ночью в СИЗО, как правило, остается только небольшая дежурная смена, состоящая из сотрудников младшего ранга. Для тех арестантов, которые имеют возможность отоспаться днем (а в общих камерах спят все поголовно), этот режим вполне приемлем. Сидельцы же спецпродола вынуждены бодрствовать круглые сутки, поскольку днем им не дают спать охранники, а ночью - свои же зэки, сидящие на первом и втором этажах нового корпуса.

- Посидев пару месяцев в таких условиях, я почувствовал, что у меня самого потихоньку сносит крышу,- рассказывает Игорь.- Охранники не давали мне спать днем, а я в отместку начал мешать им ночью, стучал в дверь и орал: "Я имею право на сон с 22 вечера до 6 утра, обеспечьте тишину!" Михаил Борисович реагировал на все это удивительно спокойно - он просто слушал наши перепалки и улыбался. За это я его еще больше уважал.

"Малейший "косяк" перед "половинкой" - и УДО зэку не видать"

Правила ПВР в центре, как рассказывает Игорь, регламентировали и передвижения арестантов по коридорам во время походов в баню или на прогулку. Выйдя из камеры, сиделец получал от конвойного команду "Руки за спину!", выполнял ее и только после этого имел право двигаться вперед. В первые месяцы после перевода Михаила Ходорковского из Краснокаменской колонии в читинский централ правила

передвижения выполнялись четко, но через некоторое время, убедившись в том, что зэк Ходорковский не опасен для охраны, сотрудники администрации расслабились. Одни по-прежнему требовали от сидельцев спецпрохода держать руки за спиной, другие позволяли идти на прогулку обычным, "вольным" шагом.

- 15 октября 2007 года утром нас, как обычно, повели на прогулку,- рассказывает Игорь.- По коридору шли в обычном порядке: охранник, Михаил Борисович, за ним я и сзади еще один охранник. Кто из нас и в каком положении держал при этом руки, я, честно говоря, не помню. Во всяком случае, я точно помню, что никаких команд во время движения нам не поступало и никаких инцидентов в связи с этим не было. После прогулки Михаил Борисович уехал в прокуратуру, а через некоторое время после его отъезда за мной пришли.

В оперчасти СИЗО от Гнездилова потребовали написать объяснительную, в которой нужно было указать, что утром его сокамерник Ходорковский передвигался по коридору, не заложив руки за спину, тем самым "игнорируя требования сотрудников администрации и грубо нарушая ПВР".

Следует отметить, что через десять дней после этого инцидента, 25 октября 2007 года, у заключенного Ходорковского истекла так называемая половинка - он отсидывал половину отмеренного ему судом срока и получал право писать ходатайство об условно-досрочном освобождении. Замечание, полученное за нарушение режима, такого права его лишало, поэтому Игорь, прекрасно понимавший замысел сотрудников администрации, писать объяснительную отказался.

- Малейший "косяк" перед "половинкой" - и УДО зэку не видать. Это все знают.

Однако сотрудник так называемого режимного отдела читинского управления ФСИН объяснил Гнездилову, что в случае отказа он и сам может не увидеть УДО.

- Если ты не хочешь нам помочь в таком пустяке, то и нам нет смысла впрягаться за тебя,- сказал опер.

В другое время зэк Гнездилов вряд ли бы купился на такую уловку, но на этот раз свобода буквально позарез была нужна ему самому. Дело в том, что, отбывая очередной срок, в начале 2004 года Игорь Гнездилов, как он выражается, женился. Его избранница - осужденная за убийство Светлана. Она в 2000 году прирезала кухонным ножом свою подругу, отказавшуюся вернуть ей долг 40 тыс. рублей, погрузила труп в кухонный стол-тумбу, обмотала дверцы скотчем и отвезла к себе на дачу. За это она получила девять лет. Первую часть назначенного срока Светлана содержалась в том же СИЗО, что и Гнездилов, только на другом этаже. Молодые люди сначала встречались в коридорах: Светлана мыла в СИЗО полы и белила стены, а Игоря время от времени выводили из камеры во внутренний двор для ремонта автомобилей. Дама понравилась угонщику, и он отправил ей романтическое письмо по ночной тюремной почте.

Завязалась переписка, а некоторое время спустя Игорь сообщил своей избраннице, что готов к первой "брачной" ночи с ней: требуемая для свидания сумма уже выиграна в буру, поддержка сотрудника администрации гарантирована, дело только за согласием невесты. Свидание прошло на ура, а еще через какое-то время Светлана передала "мужу", что уезжает на этап в Хабаровский край, а там будет рожать, поскольку их свидание не прошло для нее бесследно. Весной 2005 года Светлана родила мальчика Данила, после чего обоих отправили в расположенный при зоне дом малютки, где мама с сыном получили возможность относительно нормально жить до 11 марта 2008 года. В этот день Данилу исполнилось три года, его в соответствии с законом должны были отправить в обычный детдом на воле, а Светлану - в общую зону досиживать срок.

Все это время Игорь был буквально на седьмом небе от обрушившегося на него счастья: это был его первый, пусть и незарегистрированный, брак и первый в жизни ребенок. Если бы Игорь не вышел по УДО, его первый ребенок отправился бы в детдом.

Он подписал бумагу.

"Он ответил, что понимает меня и зла на меня не держит"

Гнездилов говорит, что, выйдя на свободу в январе 2008 года, он первым делом разыскал мать Светланы и попросил ее оформить опеку над Данилом. Он оплатил расходы и поездку в Хабаровский край, где отец и бабушка забрали мальчика из зоны. Сейчас Данил готовится к поездке на дачу вместе со своими двоюродными братьями по отцовской линии. Его матери сидеть еще два года и четыре месяца, а когда она освободится, родители собираются оформить отношения и усыновить своего собственного сына.

Возвращаясь к событиям октября прошлого года, Игорь вспоминает:

- У меня на душе тогда кошки скребли. Вечером, когда мы встретились с Михаилом Борисовичем, честно рассказал ему про встречу в оперчасти и объяснил, почему поступил именно так. Он ответил, что понимает меня и зла на меня не держит. Не знаю, что он думал на самом деле, но на наши отношения мой поступок никак не повлиял.

Сам Михаил Ходорковский в своей объяснительной написал, что распорядок он не нарушал и никаких замечаний от сотрудников администрации во время похода на прогулку не получал. Именитый зэк пообещал оспорить предъявленные ему претензии в суде через своих адвокатов и потребовал от сотрудников СИЗО предоставить для разбирательства видеозапись его перемещения по коридору. Как уже говорилось, в спецпроделе установлено пять видеокамер. Однако выговор ему все равно объявили, лишив на тот момент возможности хлопотать об условно-досрочном освобождении (сейчас адвокаты Ходорковского, несмотря на остающийся выговор, подумывают о подаче документов на УДО.- С. Д.).

- Как расценивает твой поступок воровской закон, которому ты, авторитетный зэк и "стремящийся пацан", подчинялся 19 лет?

- В закон мой поступок не впишется. С Михаилом Борисовичем я поступил не по понятиям. В то же время на кону стояла судьба моего ребенка, а даже воров говорят: придерживайся людского.

- А я слышал от ваших же читинских воров в законе другую трактовку: сначала - воровское, потом - людское.

- Воров тоже разные бывают, и на жизнь они по-разному смотрят: один относится к людям по-человечески, для него многие вещи приемлемы; другой будет придерживаться только буквы закона - воровской буквы, естественно. Я, например, знал двоих - Бориса Глебовича Брянского и Тахи, оба в разное время побывали в нашей "пятерке" (колония N5 Читинской области.- С. Д.). Так вот, Борис Глебович меня бы понял, а при Тахи с меня обязательно получили бы за поступок независимо от того, ребенок - не ребенок.

- В какой "валюте" пришлось бы расплачиваться?

- Ну, от людей бы, может, и не угнали, но здоровье бы точно попортили, исчерпал бы я до нуля свой даже мало-мальский авторитет.

"Я бы с ним, конечно, встретился с огромным удовольствием"

Расставаясь с сокамерником перед его освобождением, Ходорковский, по словам Игоря, слегка "поджег" его, сообщив отбывающему на волю, что, мол, ждет его обратно месяца через два-три и готов попридержать для него местечко в спецпроделе.

- Я бы с ним, конечно, встретился с огромным удовольствием, только на воле, а не в тюрьме. Поэтому названный Михаилом Борисовичем срок уже прошел, а мы с ним, как видишь, так и не встретились.

Перед расставанием олигарх порекомендовал бывшему угонщику продолжить работу "по специальности", но избегая при этом криминала. Ходорковский рассказал сокамернику, что в Москве "есть такие маленькие желтенькие машинки, которые приезжают по вызову, если водитель попал в аварию или его автомобиль сломался", и оказывают помощь. Работа на таком автомобиле, по мнению олигарха, вполне подошла бы бывшему угонщику. Но устроиться в службу экстренной помощи на дорогах у Игоря пока не получается: в Чите ее просто нет. Пока он работает рабочим по договору в местном железнодорожном депо: выколачивает отбойным молотком и ломом забетонированную рельсошпальную решетку, которую руководство депо решило поменять.

- Весь последний месяц работал с 9 утра до 20 вечера без выходных и праздников. Надо семью кормить! Выбил 200 метров путей, получил свою первую зарплату - 35 тыс. рублей.

- То есть, поработав в таком режиме еще пару месяцев, ты получишь сумму, которую получал раньше за одну угнанную машину? - не к месту подсчитал я.

- Да, что-то около того...- согласился мой собеседник, посмотрев на меня как-то отстраненно. Мне показалось, что это несложное арифметическое действие он уже продельвал и без моих подсказок.

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)